Мы помним. Помнят ли о нас?

Как-то уж очень незаметно прошла одна дата: 26 сентября 1977 года в 20 часов 19 минут был включен в сеть турбогенератор № 2, то есть пущен первый блок Чернобыльской АЭС. Фактически с этого времени и началась история атомной энергетики в Украине. Событие это и дало нам повод поговорить с И. В. ЗАИКОЙ, ныне заместителем начальника опытно-экспериментального производства по дезактивации металла СП «Комплекс» НПО «Припять».

— Игорь Всеволодович, вы давно работаете в атомной энергетике?

— После окончания в 1975 году Одесского технологического института пришел на строящуюся Чернобыльскую АЭС мастером в отдел радиационной безопасности. С тех пор и работаю. Я занимался системой контроля активности воды в первом контуре, отвечал за ее работоспособность. Соответственно пускал эту систему на всех четырех блоках Чернобыльской АЭС.

— А момент пуска первого блока помните, как все это происходило? Наверное, торжества какие-то были?

— Я отвечал за свою часть. И мне, честно говоря, было не до торжеств. Нужно было обеспечить работу оборудования, чтобы не было сбоев. Я сутки сидел, все перепроверял, подгонял, доводил.

— Что, по заведенным обычаям, штурмовщина была?

— Нет, первый блок очень хорошо шел, по графику. Вот на втором уже немного подгоняли. А первый, что называется, вылизывали, люди ответственно подходили.

— Игорь Всеволодович, а мыслей никогда у вас не возникало таких, что все это опасно, может взорваться?

— Нет, не возникало. Мы были уверены в полной безопасности атомных реакторов, их безвредности для окружающей среды. У меня до сих пор лежит книжка Петросянца, где все это красиво расписано.

— А во время аварии Вы где были?

— 26 апреля вышел во вторую смену и потом всю неделю работал в ночную смену, занимался дозиметрическим контролем территории АЭС, санпропускников.

— Другие люди, не связанные с радиационной безопасностью впрямую, может быть заблуждались, не совсем четко представляли себе какой опасности подвергаются. Но вы то знали! И как себя чувствовали?

— Шокового состояния не было. Нормально работали все и я в том числе.

— Тогда, в 1986 году, говорили, что дозиметрическая служба станции оказалась не готова к аварии, что приборы были устаревшие, поломанные, данные выдавали очень приблизительные и вообще способны были отреагировать только на атомный взрыв. А на самом деле?

— Наш цех был неплохо оснащен приборами. Мы имели приборы и на большие поля, и на маленькие. Военных приборов у нас не было, они были в гражданской обороне.

— То есть, служба дозконтроля станции обстановку знала, оценивала ее реально и информацию выдала своевременно? А ссылки некоторых должностных лиц на то, что обстановка была не ясна и потому необходимые решения принимались с запозданием, мягко говоря, не имеют под собой основания?

— Да.

— После аварии чем вы занимались?

— Тогда встал вопрос об организации дозиметрического контроля территории вокруг станции. И именно на базе нашего цеха был организован дозконтроль всей зоны отчуждения. Тогда еще не было ни ПО «Комбинат», ни НПО «Припять». И я участвовал в этом.

После того, как было создано ПО «Комбинат», я вернулся обратно в цех и участвовал в восстановлении систем стационарного дозиметрического контроля на третьем блоке, был старшим мастером по ремонту. А затем, в 1988 году, уволился.

— Вы сильно облучились за время работы в Чернобыле?

— По оценочным данным я набрал около 30 бэр.

— И как себя чувствуете, как со здоровьем?

— В последнее время уже далеко не так, как раньше. Лет десять можно смело набрасывать на мои 44 года. Идет ускоренное старение организма, о чем радиобиологи и медики предупреждали.

— У вас большая семья?

— Жена и два сына. Один 1979-го, другой 1981 года рождения. И это тоже послужило причиной, нежелания переезжать в Славутич. Ведь тогдашнюю дозобстановку там я знал из первоисточника.

— Игорь Всеволодович как ликвидатор вы ощущаете себя социально защищенным, выполнило ли государство свои обязательства перед пострадавшими от аварии?

— Сейчас льгот мы практически не имеем. Разве что проезд в городском транспорте. А в магазине для чернобыльцев у нас на Троещине ассортимент еще беднее, а цены выше, чем в обычных магазинах. Может быть, пенсию оформлю льготную, когда достигну необходимого возраста? Но и эту льготу не исключено, что отменят, как и другие.

Государству, конечно, сейчас трудно, пострадавших много. Но и делить их на категории нельзя, не должно быть дискриминации по набранным бэрам или чему-то другому. Люди и так чувствуют себя обманутыми. На работу ликвидатору и пострадавшему устроиться почти невозможно. А ведь нынешний персонал зоны скоро, в основном, начнет увольняться. Кто по состоянию здоровья, кто на пенсию. И кто, зная о положении нынешних ликвидаторов, придет сюда выполнять работы по разборке объекта «Укрытие», обслуживанию могильников РАО, кто поверит новым обещаниям?

— Да, вы правы. Проблема эта пока не видна, но скоро Украина с ней столкнется.

Однако вернемся к тому, с чего начали. Подходит очередная годовщина пуска первого блока Чернобыльской АЭС, т. е. фактически — день рождения атомной энергетики в Украине. Вас каким-то образом вспоминают в эти дни?

— Нет. Если бы на станции работал, то наверное. А так...

Александр КОЛОТ
Юрий ДРОНЖКЕВИЧ.